

УДК 930.253:94(477.64)“1941/1945”

О. Г. ВЕЛИЧКО, І. В. КОЗЛОВА*

**МОЛОДЬ УКРАЇНИ ПРО ВОЄННЕ ЛИХОЛІТТЯ:
ЛИСТІВКИ ТА СПОГАДИ ОСТАРБАЙТЕРІВ,
УЧНІВСЬКІ ТВОРИ ПРО ОКУПАЦІЮ
(добірка документів Державного архіву Запорізької області)**

Подані архівні документи дозволяють відтворити атмосферу та умови життя пересічних громадян України, які залишилися у роки Другої світової війни на тимчасово окупованій території Запорізької області, були примусово вивезені на роботи до Рейху та військовополонених. Документи публікуються вперше.

Ключові слова: листівка; спогади; Україна; Німеччина.

Національне відродження України за останні роки змінило ставлення громадськості до історії та культури країни, сприяло піднесенню інтересу до духовної спадщини українського народу. Це стосується й історії Другої світової війни, яка майже через 70 років після її завершення залишається однією з найжахливіших і трагічних періодів в історії України. Сьогодні в Україні створені умови для відтворення неупередженої інформації про події тих минулих років. Зусиллями науковців, письменників та небайдужих звичайних людей відновлюються напівзабуті та замовчувані сторінки історії. Останнього часу зріс інтерес до окремої людини, громадянина, з його волею, почуттями та мріями, яка жила, боролася, страждала, вмирала в ці бурхливі й страшні часи. І зараз з людей, котрі не за своєї волі залишилися на окупованій території, перебували в полоні або були примусово вивезені на роботи до Рейху, необхідно остаточно зняти тавро “зрадника” та змінити до них ставлення, яке склалося у часи існування Радянського Союзу, як до людей другого сорту.

Подані документи з фондів “Листи радянських громадян на батьківщину, прислані з німецької каторги” (ф. р. 1673), “Спогади громадян Запорізької області, які знаходилися на окупованій території, репатрійованих та військовополонених” (ф. р. 1676), які охоплюють період з 1943 р. до 1946 р. дають змогу відтворити атмосферу та умови життя (з буднями, біллу розлуки та маленькими радощами) тих, хто залишився

* *Величко Олена Григорівна* – начальник відділу інформації та використання документів Державного архіву Запорізької області.

Козлова Ірина Валентинівна – заступник начальника відділу інформації та використання документів Державного архіву Запорізької області.

у роки Другої світової війни на тимчасово окупованій території України, волею долі опинився в полоні, був примусово вивезений на роботи до Рейху.

Документи подаються мовою оригіналу, але адаптовані до сучасного читача, орфографічні помилки в написанні виправлено без застережень, усі пропущені чи недописані літери та слова відтворені в квадратних дужках. Максимально збережено лексику, авторські особливості текстів джерел.

№ 1

3 листівки Міщенко Наталії Дмитрівни з міста Шермбек (Німеччина) батькам, мешканцям с. Новоданилівка Орхівського району Запорізької області

20 січня 1943 р.

Добрий день мої дорогі тато, мама, браття й сестричка Катюша! Передаю я Вам свій скучний привіт. Я пока жива й здорова. Работаю на черепичній фабриці у хазяїна – фабриканта. Работаю з 7-00 до 6-00 з переривом на 1 час. У неділю вихідний, у суботу ровно до 4-00. Работа як ви й самі знаєте не легка. Годують пока нічого, протів Миті – хорошо. Погано, що немає цибулі – зуби пропали. Живемо ми при фабриці... Живемо пока нічого, все при місці: спальня, столова, умивальник, душова, уборна, так що надвір не дуже ходимо та й ніколи, кромі неділі, бо робимо з темноти до темноти, у будень дня не бачимо. У кімнаті тепло – отоплення угольне. Гуляти нас пускали з першої неділі, ну куди підеш? На 2-ій видали нам ОСТ, ходили в город Шембреск – 2 км у суботу після 4-й (у неділю вихідний). Город невеликий, есть усе, но купити нам нічого не можна кромі лент – тоненьких, пудрі, мазі, намиста. До нас приходе багато дівчат у гості і хлопців, які вже тут по 8–10 міс. Уже їм повидавали на первий случай одітися і нам уже давно обіщають. Часто ми ходимо на прогулки вечором... Писали ми всі додому пісьма, но ніхто не знає получили Ви їх чи ні, там можна було б кой що почитати, а що на цій карточці напишеш? Ну нічого, може ж колись побачимось, то розкажу всього багато кой чога. На світ тоже вже багато надивилась (як казав посадник - світу побачити). Наверно на моїй долі було написано весь свій молодий вік їздить та на світ роздивляться. Ну нічого не журіться і не забувайте... Тато й Мама не забуваю за вас ніколи. Утром встаєш згадуєш, вечором лягаєш думаєш, дньом на роботі, кромі вас та рідної України, ні про що й думати. Пишіть усе за дом, за все село, як живе, які новості, чи Майка дома, бо у ешелонах, що йшли разом з нашим, то обминали, я її не бачила, а може не узнала. Пишіть усе, все за Ваньку, бо не хорошо сниться. Передавайте привіт усим родичам і знакомим... А пока бувайте здорові, передаю всим скучний привіт і цілую нещотно раз. Пишіть почаще, може получу й от Вас. Остаюсь жива й здорова ваша Наташа.

(підпис)

Державний архів Запорізької області, ф. р. 1673, оп. 1, спр. 27, арк. 187–187 зв. Оригінал, рукопис.

№ 2**З листівки Чабаненко Анни* з м. Ремшайд (Німеччина)
матері Чабаненко Марії, мешканки с. Новоселівка № 1
Оріхівського району Запорізької області***17 травня 1943 р.*

17/V-43 р. Від Вашої дочки мамуню Галі Чабаненко. В перших строчках передаю вам мамочко і вам братічки Ваня, Пава, Гриша тоже передаю низесінкий привіт. І желяю всього найкращого в вашому житті... Матуню! Ми на паску 4 дні не робили, на мая 2 дні. 16 мая оце в неділю були українські бандуристи з Києва, було нас там дуже багато, ми дуже плакали як вони грали і співали рідною українською мовою. На кінці нам кажуть, [що] приїхали вас розвеселить і кажуть: “Не забувайте рідну Україну і свою рідну мову”. Об’їжджали вони всі лагерья українців. Рідний наш край, його не можна забути. Мамочко і братики рідненькі, не забувайте мене одну в чужім краю без роду, а пишіть мені откритку, я вас мої рідненькі ніколи не забуваю. Здоров’я моє нічого, живу по старому... Привіт всім [з] першої бригади... Ну до свіданія, бо ніде писати. Цілую вас.

Там само, ф. р. 1673, оп. 1, спр. 27, арк. 59–59 зв. Оригінал, рукопис.

* У тексті листівки “Галя”.

№ 3**З твору учня 10 класу Василівської середньої школи Запорізької області
Юркова Миколи “Мої переживання під час окупації мого села”***не раніше 1945 р.*

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия нарушила мирную жизнь нашей страны. Красная армия временно оставляла некоторые территории нашей родной Украины. Вместе с Красной армией угоняли колхозный и совхозный скот, эвакуировали трактора и машины, увозили все, что могло быть полезно немецким оккупантам. Через наш хуторок – Степной начали проходить обозы эвакуированных, также проходили стада крупного рогатого скота. В сентябре этого же года эвакуировали скот и с нашего совхоза “Янчекрак”. Все ближе и ближе подходили немцы к нашей местности. В начале октября прошли последние отступающие наши войска. 3 и 4 октября все утихло; только иногда появлялись отставшие бойцы, которые двигались по направлению Орехова.

После этого в хуторе никто не появлялся. Были разговоры, что в окрестных селах уже есть немцы. В это время по хутору ходили разные слухи. Говорили, что после занятия немцами с. Беленького там появилось множество товаров и т.п. Слухи эти распространяли проходившие солдаты, побывавшие у немцев, и которые ходили от села до села, дожидаясь немцев. Но этим слухам верили немногие. 7 октября в хуторе появилась немецкая машина, очевидно, их разведка. Машина проехала несколько раз по хутору и снова возвратилась в с. Каменское. На следующее утро явились “хозяева”, в наш хутор прибыл немецкий обоз. Не успев еще расположиться, как немецкие солдаты, офицеры начали бегать по квартирам, ища “яйка, млеко, масло”. Другие промышляли по улицам, ловя курей, гусей и уток. Когда коровы возвращались с пастбища, их нетерпеливо ожидали у ворот “хозяева”. Некоторые, не дождавшись

коровы возле хлева, бежали за хутор, и, поймав ее, там же и начинали доить. Офицеры не запрещали мародерства, а сами показывали пример. Выбрав лучшие квартиры, офицеры делали “проверку” квартир и вещей; хорошие вещи назад “хозяевами” не возвращались. Солдаты по этому делу также были хорошими мастерами. Многие семьи были выселены из квартир, и им приходилось жить в сараях. Эти “хозяева” пробыли у нас три дня. После их отъезда в нашем хуторе мало у кого осталось птицы и свиней. Заботливые “хозяева” постарались все прибрать к своим рукам. После их отъезда в хуторе все зашевелились. Все начали тащить зерно из кладовой совхоза. Все зерно, до единого килограмма, было разобрано. После этого прошла неделя “мирной жизни”, только, иногда, нарушавшаяся проезжающими одиночными немецкими машинами; которые заезжали покушать свежей курятины.

17 октября к нам приехал представитель “власти” – комендант района Миллер или Мюллер, фамилии точно не знаю. Всем людям приказали явиться на собрание, и здесь представитель “власти” объявил, что с сего дня все население, оккупированное немцами, считается немецкими подданными, и поэтому должно беспрекословно выполнять приказы немецкого командования; честно работать [для] немецкой власти, потому что украинцы, мол, должны немецкой власти и ее народу “за освобождение от большевистского ига”. На этом собрании комендант выбрал старосту и полицейского, которым было дано право управлять в нашем хуторе. В нашем совхозе начали организовывать какое-то хозяйство с названием “нархоз”, был прислан немец, который следил за порядком и выполнением немецких приказов. На работу заставляли всех ходить без исключения; убирали оставшиеся буряки, подсолнухи. Все убранное немедленно увозилось на ст. Попово, но это им было мало; они стали извлекать зерно из запасов рабочих, но зерно это было хорошо спрятано. Немцы вместе с полицейскими обыскивали чердаки и подвалы, но нигде не добивались желанных успехов. Впоследствии стали извлекать коров и птицу у рабочих и колхозников [из] окрестных сел для организации животноводческих ферм в “нархозе”. Первым долгом забирали у коммунистов и комсомольцев, а также в тех, кто не выполнял ихних налогов по сдаче молока и мяса. Молока полагалось сдать 650 л [итров], кроме того, корова весной и летом все время была в ярме – работала. Денежные налоги также были велики; на каждую семью было около тысячи рублей, даже был налог на собак по 75 руб. в год; а заработная плата была всего лишь 100 – 200 рублей в месяц, а работали с восхода до захода солнца. В наш хутор стали возвращаться бывшие кулаки, выгоняя из своих квартир жен красноармейцев. Эти возвратившиеся кулаки всячески старались угодить новым “хозяевам”, писали доносы на тех, кто содержал наших военнопленных или, кто зарезал свинью без разрешения немецкой власти. Зимой молодежь гоняли на расчистку шоссе от снега, а также на другие работы в г. Запорожье. Весной 1942 года на каждое отделение бывшего совхоза прибыл немец, который следил за выходом на работу и сделанной работой. На работу заставляли ходить всех с двенадцатилетнего возраста. На нашем хуторе была открыта школа, но разрешалось учиться до двенадцатилетнего возраста. В школе дети воспитывались в немецком духе; занимались по советским учебникам, наполовину испорченные, портреты наших вождей были изъяты. Также строго воспрещалось говорить о наших вождях, о нашей стране; все советские песни были запрещены, но эту школу посещали немногие.

В марте 1942 года в наш хутор прибыла немецкая хозяйственная часть с лошадьми. Ухаживали за лошадьми наши военнопленные. Продукты, которые

они получали на себя и на военнопленных, они поедали сами, но и этого им было мало. Ежедневно они ездили по селам, собирая яйцо, молоко, сало. Военнопленных кормили буряками и гнилой капустой. Каждое воскресенье немцы устраивали торжества, и, напившись, творили, что им в голову приходило. Всячески издевались над военнопленными, заставляя петь и танцевать в грязи или выполнять непосильную работу. После этих номеров, окончательно пришло убеждение всему населению нашего хутора в том, какую культуру и какое “освобождение” принесли немцы на Украину. На то время немцы считали себя полными хозяевами. По всему району шли аресты коммунистов, комсомольцев и тех, кто сочувствовал советской власти. И вот наступил 1943 г. По всему фронту немцы имели поражение за поражением, отступали и вместе с этим старались все увезти в Германию. Немцы начали просто “охотиться” за молодежью. За малейшее преступление расстреливали и вешали, отправляли в концентрационные лагеря...

Там само, ф. р. 1676, оп. 1, спр. 3, арк. 40–44. Оригінал, рукопис.

№ 4

Спогади Дерія Сергія Несторовича, мешканця м. Оріхів, про життя у німецькому полоні

3 січня 1946 р.

23-го сентября 1941 года я попал в германский плен. На второй день попал в Полтавские лагеря, где с первых же дней повеяло страхом голода. 17 дней я находился в этих лагерях и ни один раз не ел хлеба, а питанием для нас была два раза жидкая пшенная каша без соли и с небольшим количеством мяса, перелитым карболкой на Полтавском мясокомбинате, а иногда конина из больных лошадей, которые убивались как негодные. Это еще и хорошо. 9-го октября нас 6000 человек направляют в г. Кременчуг 120 км пешком, истощенных и голодных. На пути много было достреляно, так как выбившись из сил они падали и идти не могли. 11-го октября вечером мы прибыли в Кременчуг. Здесь уже было большое количество в[оенно]пленных, которыми были наполнены большие сараи. Несмотря на переполненность этих сараев сюда же загнали и нас, где нельзя было даже спокойно стоять, а о том, чтобы сесть то нельзя и говорить.

Питанием здесь было горелое зерно: ржи, кукурузы, проса и проч. и немного конины. Все это варилось как видно немытое, потому что было много мусору и крови лошадей. 14-го октября нас погружают в эшелон и закрытыми вагонами по 80 человек и по две параша в вагоне, отправляют в г. Проскуров. Сюда мы приехали 17 октября вечером, голодные измученные и так в тесноте казарм легли спать.

Уже на второй день утром мы узнали, что здесь питание еще хуже и ежедневно умирало от голода больше 100 человек. Здесь варили отходы овощей из немецкой кухни, а основным продуктом был бурак, но и этого давали по маленькому черпачку два раза в день. Голод и вшивость свирепствовали полным ходом. В лагере было 40000 человек и почти половина погибла от голода.

12-го марта 1942 года нас направляют в Австрию г. Кремс, где мы находились полтора месяца на карантине, а после карантина 5-го мая 1942 г. были разосланы по рабочих лагерях, где я попал на строительство электростанции на реке Энс в 9-ти километрах от гор. Штаер.

Положение в условиях питания и здесь не очень улучшилось, а работы были такие, что нельзя было выдерживать. Начались побег некоторых в[оенно]пленных, но результаты побегов увенчались плохими последствиями. Так как везде были изданы строгие приказы, чтобы каждый житель следил за проходящими русскими людьми и немедленно задерживать и доставлять в полицию или гестапо, а если не подчиняются задержанию, то расстреливать на месте. Поэтому много людей погибло. В лагере основным питанием было: брюква, морковь, кольраби. Хлеба давали сначала по 400 грамм, а когда они стали отступать на фронтах, то снизили до 250 гр. Три года ровно здесь нам пришлось работать на строительстве этой электростанции и все время жили впроголодь. Только благодаря хорошему коменданту австрийцу удавалось некоторым пленным приобретать немного продуктов за изготовленные корзины, которые делали ночами после работы.

Мало того, что люди были голодны, а работы были очень тяжелые и кто был слаб и не мог тяжело работать того избивали палками или резиновой шлангой. Под конец 1944 года и до конца войны избивание было прекращено, ибо им грозило приближение наших русских воинских частей.

5-го мая 45 г. подошли американские войска, и мы были освобождены из этой неволи.

Там само, ф. р. 1676, оп. 2, спр. 384, арк. 24–24 зв. Оригинал, рукопис.

№ 5

Из спогадів Савченко Ніни Афанасіївни, мешканки Василівського району Запорізької області

не раніше 20 січня 1946 р.

Хорошо помнится мне то осеннее октябрьское утро, когда немецкие блюдолизы (русские полицаи) заявили мне о выезде на работу в фашистскую Германию. Сколько слез и угрюмости было не только для меня и моих родных, но и для многих других, которых ожидало то же “счастье” что и меня.

27/X 1942 год. День выезда в Германию. Не успев проститься со своими родными, русские полицаи погнали наши повозки, а нас заставили их догонять. Так пришлось выйти со своей деревни, не рассмотревши ее.

28/X 1942 год. Мы стоим на станции Попово в одной из школ окруженные русскими жандармами. Ровно в двенадцать часов дня подошел эшелон для отправки, состоящий из 60 вагонов, у которых было по 35 человек и больше. Первая медицинская комиссия была нам у г. Киверцах. С этого города мы поехали на распределительный пункт. Отсюда должны были отправлять больных домой. Но так как больных не оказалось, нас начали распределять по работам. На второй день нашего приезда нас уже распределили. Я попала в количество двухсот человек, которых направляют на работу на военную фабрику. Два часа ночи. Команда: “Собирайся!” До станции было километра два. Ночь, темнота не видима, мы со своими оклунками пошли к станции. И как раз в день 25-ой годовщины Великой Октябрьской революции мы прибыли на свое будущее местожительство г. Мальхов. На станции нас встретили будущий наш комендант и переводчица. Свои вещи мы сложили на машины, а нам тоже подали две пассажирские машины, и через полчаса мы очутились в темном сосновом лесу. Там находился лагерь восточных рабочих. Не доезжая лагеря,

машины остановились. Что я увидела перед своими глазами? Темный, густой сосновый лес, деревянные зеленые бараки, которые окруженные двухметровой проволочной сеткою. Подходя к проходной лагеря ворота открылись. Входя в лагерь я уже точно убедилась в том, что я действительно нахожусь не на своей земле, а на территории фашистской Германии. Мне до сих пор не верилось. Я думала это все сон. Когда нет. Нас встретили там русские девушки, которые уже были угнаны раньше нас. Здесь началось переспрашивание, мы их как жить здесь, а они нас как на Украине.

Через полчаса нам выдали постельную принадлежность, нож, вилку, кружку. После этого нас распределили по комнатам. Я жила в шестом бараке во второй комнате. Нас было двенадцать девушек и все с одной деревни. Комната темная, неудобная, кровати двухэтажные. Что делать? Скука по родине. Вечером ко дню Великой Октябрьской революции был приготовлен девушками и ребятами концерт. Так что праздник на фашистской земле был отмечен. Были выступления лучших людей, специалисток нашей страны.

8/XI 1942 год. Четыре часа дня нас повели к заводской конторе для оформления документов. Там нам дали пропуска на завод, определили на работу и с этим я вернулась у лагерь.

12/XI 1942 год. Первый день каторжной моей работы. Четыре часа утра разносится эхо давно знакомого “Austein!” (Вставай). Что ж воля не воля, а вставать приходится. Вставать то да, а что кушать? Конечно, хлеб и кофе давали. Так, когда получишь и не дойдешь к бараку, съешь; а потом делать у барака нечего. Кушали вы, накушались, за это никто не спросит, а работать иди. Возле вахты строй по четыре и под конвоем идешь на работу. Завод был военный, вырабатывали там пороховые патроны. Работать пришлось везде, потому что русских людей посылали туда, где опасно и тяжело. За нами на работе был надзор молодых немецких девушек. Завод занимал большую площадь, весь был замаскирован сосновым лесом в подземелье.

В лагере ничего не было хорошего. Кругом сетка та немецкая охрана. Полтора года нас из лагеря не выпускали. Город был от нас [за] два километра. Не помнится мне когда, каким днем был первый выпуск русских рабочих из-за сетки. Причем не все имели “счастье” выйти на волю. Выход был по пропускам, причем самих тоже не пустили, а с вахманом. Пропуска дали тем девушкам, которые были не виноваты перед комендантом. Мне выйти не удалось. Так как я не заслужила внимания перед “нашим” лагерфюрером. Конечно, меня это не очень беспокоило.

После этого выпуска было еще два или три таких. А после этого начали всех пускать.

Помнится будет мне долго день четвертого апреля, когда комендант объявил вольный выход из лагеря для всех проживающих. Конечно, мы не растерялись, забрали свои мешочки и на раздобычу питания. Потому что в лагере был полный голод.

Все девушки, в том числе и я, пошли доставать картофеля у хозяинов. Продать нам не продали, и мы решили на хозяиновых полях с кагатов набрать картофеля. Конечно, набрать набрали, а принести не вдалось. Нас зашухарили (такая была поговорка в лагере). После этого дня лагерь был оштрафованный на три месяца выпуском на волю. И три месяца мы не ходили ни на шаг из лагеря, кроме того, что на работу. В честь этого дня было сложено стихотворение под названием: “Воспоминание”...

Подобных этому стихотворению и этих случаев было много на протяжении рабской работы. Туга по родине не умолкала. Все же верили в победу нашей доблестной Красной армии. И ожидали ее с дня на день.

Выдавалась газета для рабочих с востока, где давали сведения о “победах” немецкой армии. Но в эти газеты мы не верили, а ждали того дня и той минуты, когда мы вырвемся с этой неволи. На эту тему были тоже сложены стихотворения.

“Воспоминание”

... Но в меня еще есть и надежда й мечты
Придет время, что мы бросим прокляту руину,
А вернемся домой у свой край дорогой –
На Советскую свою Украину!

И долгожданный час пришел.

2/V 1945 года мы были освобождены нашими частями Красной армии.

После освобождения я работала при воинской части на подсобном хозяйстве. После окончания всех полевых работ я была направлена на сборно-пересыльный пункт по отправке на родину. И 20 декабря 1945 года мы уехали с пересыльного пункта домой. И аж 20 января 1946 года я уже в любимом Запорожье.

Разнообразий в моей жизни не было никаких. С первого дня как началась работа и голод, холод, и до последнего дня. Что сегодня, то и завтра, и послезавтра.

Там само, ф. р. 1676, оп. 1, стр. 3, арк. 25–29. Оригінал, рукопис.

Представленные архивные документы позволяют восстановить атмосферу и условия жизни рядовых граждан Украины, оставшихся в годы Второй мировой войны на временно оккупированной территории Запорожской области, принудительно вывезенных на работы в Рейх и военнопленных. Документы публикуются впервые.

Ключевые слова: открытка; воспоминание; Украина; Германия.

Presented archival documents allow recreate the atmosphere and living conditions of ordinary citizens of Ukraine who left on the temporarily occupied territory of Zaporizhzhya Region during the Second World War. Later they were forcibly taken off to work to Reich. Documents are published for the first time.

Key words: the postcard; the memories; Ukraine; Germany.